

Предстоящее воскресенье посвящается святым жёнам-мироносицам.

Ученики Христа рассеялись, когда настал час Его испытаний. Лишь Иоанн пошел за ним до конца, до креста, до Его смертных страданий. Да женщины не отступились. Они следовали за Ним до Голгофы, сострадав. Они первыми узнали о том, что Учитель воскрес, когда пошли чуть свет после субботнего дня, чтобы миром, благовоениями умастить Распятого. Второе воскресенье после Пасхи празднуется как День православных женщин.

Завещание ветерана МЕЖЕНИНОЙ

Стукнула в калитку, звонко залаяла во дворе собачонка. Маленькая, лохматенькая, она так и взвилась на цепочке, пока я шла через двор. Заглянув в дверь, покликала хозяев, вошла в дом, постучала и там, переступив порог, неожиданно ощутила нежность, наклонившись похристосоваться к старушке. Такие по-детски чистые голубые глаза глянули на меня, просиявшие улыбкой.

Наше знакомство состоялось по телефону. Столько мудрых слов уже успела услышать от нее, невольно удивляясь, зная уже о ее преклонном возрасте. И вот теперь присядем к окошечку, через которое лётся солнце. Здесь встанет прошлое, заговорит во весь голос. И будет помогать нашему общению дочка Ефимовны. Людмила рядом. Приехала на пасхальные дни из Москвы, чтобы похристосоваться с мамой. То и дело, склоняясь к ней, прямо в ухо передает ей очередной мой вопрос. К концу беседы Лидия Ефимовна Меженина вынесет из горницы две школьные тетрадки с пожелтевшими от времени обложками. «Сама считаешь», – скажет она. «Завещание детям и племянникам» – написано на одной. Другая озаглавлена как ее биография.

Почитаю страницы, они пронзят глубиной любви и духовности. И беседа срывает открытость передо мной, посторонней. Чужой ли? Духовной сестрой она меня назвала. Какое родство может быть дороже?

Смирненно-просто вспоминает сейчас о прожитом. Жили в Волоконовке. В семье Зайцевых Ефима Гавриловича и Евдокии Григорьевны было восемь детей. Отец портняжил, шил фуфайки, шапки, брюки. Ночи напролёт стирала машинка. Шьёт и всё песню про ямщика поет. Сильный, независимый характер. Возмущало Ефима, когда Евдокия вставала на молитву, а переделав все дела, подвязывала платком к себе младшего ребенка и, взяв за руки подросших, спешила в храм. «Зачем Бога хулишь, лучше меня ударь...» – кроткая, вставала против мужа, когда тот ругался, на чём свет стоит.

– А что, в Волоконовке храм не рушили? – спрашиваю.

– Это в 30-е годы было. Церковь закрыли позже, приспособили под какое-то хозяйство, – говорит Ефимовна. Многие о чем тут она рассказывала. Раньше о подобном только читала, а сейчас передо мной живой свидетель тех времён.

На молитвы ходили тайком, окольными путями, чтобы никто не заметил. Христолюбивая соседка Феодора принимала в своей хате для моления. Служили и в погребке. После войны гонения на православных усилились. Милиция, дружинники обходили с дозором поселок, наблюдая, чтобы православный народ вместе не собрался.

– Мы ставни-то на окнах плотней закроем, – рассказывает просто, без всякой обиды. – Могли ведь и в тюрьму посадить, коли кто-то донесет, – мол, ходит молиться.

Десять лет дали прихожанке Анне. Отбыв срок, она в той местности жить так и осталась. Певчая общины Анистья Андреевна, подруга матери Лидии Ефимовны, тоже за веру пострадала. В город Тотьму Свердловской области сослали, такой же срок в тюрьме провела. Арестовали Анистья в 1937 году. Вскоре пришли к Зайцевым. Явились, «аки тать в нощи». Ефима дома не было, подняли с постели Евдокию: «Пришли за тобой, собирайся». «Забирайте, но только с детьми», – согласилась уверенно.

– Мы перепугались, уцепились за маму, плачем. Самой маленькой, Марусеньке, едва годик ис-

полнился, – вспоминает теперь Лидия Ефимовна. – Посмотрели они, посмотрели и пожалели нас. Не забрали мамку.

Недолго после той ночи она прожила с детьми. Умерла через три года. «Мама моя была христианкой живой глубокой веры, – напишет Ефимовна в возрасте 82-х лет, пожелав оставить детям и внукам память об их родословной. – Трудно мне вспоминать, как мы с ней прощались. 38 лет ей было. Умирала от родов двенадцатого ребенка, трое из них не выжили. Умер и новорожденный».

В осиротевшей семье восемь детей. Вскоре погиб старший брат Иван. Отправили в товарняке по комсомольской путёвке в 40-м году на торфяные разработки под Ленинград. Возле Ельца случилась авария, поезд взорвался. Вся жизнь прожила Ефимовна с мыслью: Ваня погиб от рук диверсантов-шпионов. Время было такое, всех подозревали, всюду видели «врагов народа».

– Когда началась война, отцу дали броню. Он на железной дороге работал. А после освобождения Валуек в 1943 году на фронт отправили. Остались мы круглыми сиротами, – тяжело вздохнула Лидия Ефимовна. – Старшей сестре Феодоре тогда уже двадцать исполнилось. Она заменила нам мать. Выручал огород, коровка-кормилица.

«Мы, дети, руками рвали в поле повитель. Наберем два мешка и тянем на своих плечах, – запишет Лидия через 70 лет. – Голодали, пекли лепешки из травы, собирали жулуди. На речке собирали ракушки, жарили на костре. После войны коровушку обложили налогом, а нам нечем платить. Пришли из сельсовета забирать скотинку. Феодора вышла с палкой, отбила. И мы все схватились за кормилицу, отстояли. Корову звали Краля». И про то, как сестра Надя работала кочегаром на паровозе, ходившем мимо их хаты, записала для памяти потомков. Просигналит, бывало, как отправится поезд от Пятницкого. Ребятишки бегут к путям, и она с паровоза кидает им уголь. «Уголь у нас есть – радуемся – печку истопим».

В 14 лет хрупкая маленькая Лидочка пошла работать на почту. По малолетству официально

не оформляли. Была лишь приписана к колхозу за трудодни. Но стаж пригодится, когда доживет до пенсионного возраста. У ветерана труда Межениной к 55-ти годам набегит 41 год рабочего стажа.

– Поселковые улицы длинные-длинные. Умаешься, пока добежишь до нужного адреса, – вспоминает теперь она, лучисто сияя глазами. – Как же тяжело было нести страшное сообщение о гибели. Или извещение о пропащем без вести... Это и мое горе. Иду, слезами заливаюсь. Отдам и скорей убегаю, чтобы не слышать, как плачут. Зато шла с лёгким сердцем, когда несла людям треугольники от бойцов. Бывало, на радостях и угощали. Жалели меня, сирота ведь.

Военно-полевая почта сопровождала наши войска на всем пути. Так что по адресам почтовых отправлений можно было судить о их продвижении. Но до светлого Дня Победы еще надо дожить. Предстояло выдержать оккупацию поселка в 43-м году. Многие мальчишки тогда пошли партизанами в леса, оказывать посильную помощь. Ушел и Вася, средний брат Лидочки. Его, достигшего совершеннолетия, заберут с собой наши бойцы, освободив Волоконовку. Посадили в эшелон и отправили на Кривой Рог. Воевать не пришлось. На Украине поезд попал под бомбёжку. Необстрелянные новобранцы еще не знали толком, как себя вести, где прятать-

ся. Васю ранило в живот, он скончался. Об этом сообщил земляк, вернувшийся после Победы с фронта. Место захоронения Василия осталось неизвестным.

В 43-м Ефима призвали в возрасте 48 лет.

– Вначале он портняжничал на фронте, не участвовал в сражениях, а потом его бросили на передовую, – рассказывает хозяйка дома.

– На Курскую дугу, может быть, попал? – пытаюсь уточнить.

– Ой, не знаю... Знаю только, что вскоре погиб. Наши «катюши» его попалили. Как-то в полосу огня попал, – попыталась мне объяснить со слов его друга, ставшего свидетелем нелепой гибели Ефима Гавриловича. Всё больше поражало прожитое собеседницы. Но, удивительное дело, меня не покидало ощущение: всё принимает как должное. Вот она, глубокая вера в промысел Божий, – доходит до меня, начитанной об этом духовном явлении.

– А помните день, когда окончилась война? – задаю вопрос, который давно соберется наружу.

– День Победы! Все танцевали, кричали, радовались. Муж воевал связистом. Полез в воду, через Дон тянул провод и простудился. Заболел воспалением легких, потом случился туберкулез. До 1958 года находился в Германии, болезнь скрывал, чтобы можно было служить. И медали скрывал, не достоин таких наград. Комиссовался фельдьегерем, – развивала тему Ефимовна. – Замуж я вообще-то и не собиралась. Подружки дали обет безбрачия, считали себя белыми монашками. Молились.

Но замуж выйти ей все-таки пришлось. Пятую годовщину Великой Победы отметили к тому времени, когда вернулся фронтвик Иван Меженин. С секретной почтой частенько бывал в Волоконовке. Здесь и присмотрел Лиду. Совет замуж – она не идет. Он коммунист и надумал воздействовать на непокорную по служебной линии, пожаловался начальнику почты.

– Ну и что, начальник сильно ругал, что замуж не хотите? – задаю смешной вопрос.

– Нет, не ругал. Но крепко угоривал: зачем уважаемого чело-

века позорю... Ведь просит же, а я отказываю. Так нельзя, – заулыбалась Ефимовна своим молодым воспоминаниям.

В общем, вышла Лида за него замуж. И ей, как и матери, достался неверующий муж. Иван был преданным партийцем, в Никольский храм ходить запретил, ругался и когда молилась дома. Во избежание скандалов и по смирению пришлось подчиниться. Только в 80-е годы, когда вышла на пенсию, Ефимовна заявила супругу: «Делай, что хочешь, а я в храм теперь буду ходить. Ничего, притих». В Никольском храме вскоре пригласили ее на клирос, и вот уже более 30 лет она певчая.

– Вера дает мне истинную жизнь. Без нее, пусть она размером хоть с горчичное зёрнышко, человек с горем не справится. Она укрепляет сердце человека во всех невзгодах. Всему тогда радуешься и благодаришь за все, – объясняла мне свое внутреннее устройство Лидия Ефимовна. – Надо читать Священное Писание и понимать, о чем там сказано, чтобы каждое слово сквозь сердце прошло. Пустой делаешься, когда вера отнимется. Тогда кричишь из глубины души: «Господи, погибю! Помогите мне!». И такая радость приходит, в сердце покой возвращается. Это очень трудный путь.

Столько неожиданного, богословско-глубокого было услышано мной в разговоре с женщиной, получившей когда-то начальное образование, живущей на свете 88-й год с любовью.

«Не бойтесь людей, что будут вас осуждать, а Бога бойтесь, – оставила свою запись для детей крупным печатным шрифтом Лидия Меженина на пожелтевшей страничке школьной тетрадки. – Когда буду немощна, призовите батюшку для соборования и причастия. А меня простите. И за то, что я вас не воспитала в духовной жизни, где красота души человеческой, и за то, что в детстве мало тепла материнского вам уделяла. Я ни на что стараясь не роптать с помощью Божией, борюсь с пороками, которые приобрела за всю жизнь».

Она многое что предусмотрела в своем обращении к детям. Предупредила: «Да не посеется между вами злоба», говоря о разделе наследства. А наследство, ею нажитое, – книги, молитвы, иконы, акафисты. «В этом драгоценность и счастье. И молитесь, и читайте их. Тогда здесь поживете в радости, и к вечности приобрящете души... Я и там буду знать всё о вас. Если между вами будет мир, буду радоваться и молиться за вас. Если Господь даст дерзновение...» – предупреждает мать. Привыкнув жить душой в душу со своими детьми, она и в вечности настроена о них плакать и радоваться.

Нет, не согласна я с материнским словом, что чего-то недодала им при жизни, – думается мне, читая ее завещание. Такая близость чувствовалась в общении между Ефимовной и дочерью Людмилой. С такой лаской то и дело вспоминался сын Николай, живущий в Белгороде. И он будто был постоянно с нами, присутствовал здесь.

– Тяжело одной? – удивилась Ефимовна моему вопросу, когда заговорили об отъезде дочери в Москву. – У меня, знаешь, сколько духовных сестер?! И Коля часто приезжает, не забывает племянник. Главное – утешаюсь молитвою. Из собеса посещают, помогают во всем. И в церкви девочки любят, жалеют, – перечислила с радостью.

– Вот даже Путин меня, как всегда, поздравил с Днем Победы... – засмеялась, кивнув в сторону стопки документов, подготовленных по случаю разговора о жизненном пути ветерана труда и Великой Отечественной войны.